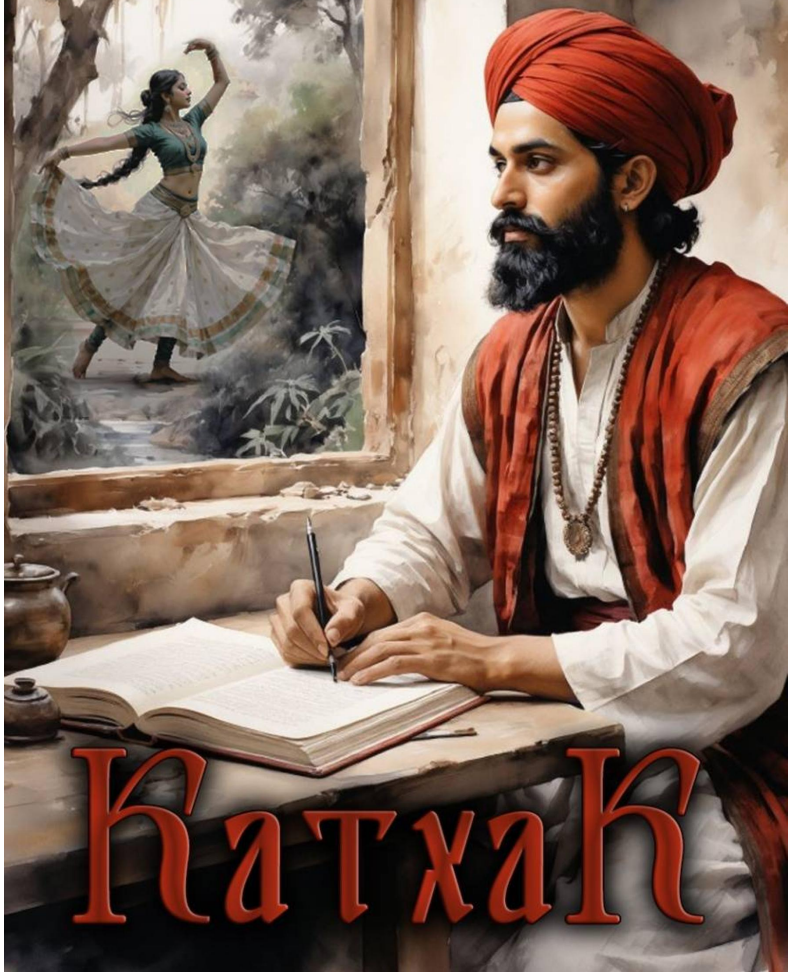

Артур Сунгуров

Катхак

Артур Сунгуров

Катхак

<https://litres.ru/74371227>

SelfPub; 2026

Аннотация

"НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ"

Он - советник падишаха, она - куртизанка из Дома Счастья. Они принадлежат к разным сословиям, к разным народам, к разным религиям. Но их судьбы переплелись в историю любви, прекрасную, как танец.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Артур Сунгуров

Катхак

Катхак – направление классического индийского танца, образовавшееся в результате слияния индийской и мусульманской культур. Танец представляет собой пантомиму, рассказ на определённую тему – жёнищина у зеркала, ожидание возлюбленного и проч. Характерные особенности – исполняется с прямым корпусом, в ножных браслетах с бубенцами.

Пролог

Восток всегда манил меня, а Индия представлялась загадочной страной, попасть в которую можно только во сне. И вдруг мечта сбылась – моя двоюродная сестра получила работу в посольстве и переехала в Лакхнау, штат Уттар-Прадеш.

«Приезжай, – написала она. – Покажу настоящую Индию!».

И вот я уже в самолете, вот выхожу под палящее южное солнце, от которого небо кажется не голубым, а белым.

Лена специально взяла отпуск на три дня, чтобы показать мне город. За то время, пока мы не виделись, она превратилась в настоящую индианку – стала смуглой, очень стройной и говорила по-русски с забавным акцентом. Дома она переделась в сари и приготовила на обед местные деликатесы, хвастаясь тем, что переняла индийские традиции.

Лакхнау был именно таким, как я и представлял – мирно уживающиеся рядом современность и старина, смешение рас и вероисповеданий. Я шёл по улицам и видел местных жителей, одетых в деловые костюмы и джинсы, в сари и дхоти,[1] в хиджабы и галабеи.[2] Лена показывала мне развалины английского посольства, погубленного народным восстанием, руины храмов, уничтоженных в период правления династии Моголов, резиденцию последнего наваба Лакхнау, местные

семейные ресторанчики, существовавшие, казалось, от начала сотворения мира.

Потом была ночь – жаркая, чёрная. Отдыхая от дневной прогулки, мы сидели в открытом кафе и пили жасминовый чай. Смотрели на город, усыпанный жёлтыми звёздами фонарей, и на реку Гомти, усыпанную жёлтыми фонарями звёзд. И фонари и звезды здесь были иные, не такие, как мне приходилось видеть раньше – глазастые, яркие, любопытные. Они вспыхивали и гасли, будто подмигивали, обещающая в ближайшем времени невероятные события.

– Поехали на «Рамаяну»? – предложила вдруг сестра, оставляя пиалу, в которой на донышке золотилось озерцо недопитого чая.

– Разве театры еще работают?

– Здесь представления дают и днём, и ночью, – загадочно улыбнулась Лена. – Поедем, тебе понравится.

Морщинистый таксист на автомобиле середины прошлого века отвёз нас в Старый город. Многоэтажные здания сменялись каменными особняками, храмами, похожими на окаменевшие яблоки, груши и кукурузные початки. Улочки становились уже и извилистей. Остаток пути пришлось преодолеть пешком, вдыхая ароматы специй, цветов и горячего молока.

Вскоре я услышал музыку – грохот барабанов, мелодичные перекаты струн и звон бубенчиков. Мы сделали еще один поворот и оказались на небольшой площади перед

двухэтажным домом за каменной полуразрушенной стеной. На площади находилась настоящая сцена – с занавесом, рампой и оркестровой ямой. Правда, занавесом служил выдававший виды отрез плюша, вместо софитов горели факелы, а музыканты сидели на досках, брошенных поверх мостовой. Зрители тоже расположились, как кому вздумается – кто на переносных стульчиках, кто на циновках, которые продавались здесь же. Кто-то просто сидел на земле. Лена взяла циновку, бросив продавцу десять рупий, мы уселись позади всех и стали смотреть.

Сюжет «Рамаяны» я знал еще с детства: два брата – Рам и Лакшман - отправились в опасное путешествие, чтобы победить демона и освободить красавицу. Позже Лакшман построил дом на одном из местных холмов и основал город Лакшамнпур, который сейчас называется Лакхнау.

– Это сцена изгнания Рама, – шёпотом пояснила мне Лена. – Мы видим его мачеху, царицу Кайкею, она собирается настроить царя против Рама и прихорашивается, чтобы произвести на мужа впечатление...

– Скажешь мне, когда появится Хануман?[3] – так же, шепотом, попросил я.

– Хануман?! Что ты, я не уверена, что сегодня мы увидим хотя бы самого царя!

– Как так?

– Если показывать «Рамаяну» от начала и до конца, то понадобится полтора года! Не находишь, что это немного уто-

нительно не только для артистов, но и для зрителей? Это семейный театр. Они показывают кусочек из «Рамаяны» каждые выходные, по праздникам, а иногда и в будни. Смотри, не отвлекайся! Вот она – настоящая Индия!

Я последовал её совету с удовольствием, потому что артистка, изображающая вероломную царицу, была чудо, как хороша. Ей было едва ли больше двадцати лет, и от индианок она отличалась светлой кожей, цвета молока с корицей. Сначала я даже подумал, что лицо у нее выбелено гримом.

Но самым удивительным оказалось её искусство – изящество жестов и быстрота, с которой она отбивала ритм босыми ступнями. Браслеты из бубенчиков, охватывающие щиколотки, звенели при каждом движении. Танцовщица умудрялась создавать из звона бубенцов собственную музыку, которая гармонично перекликалась с барабанами и оттенялась игрой на ситаре.

Лицо танцовщицы, её плечи, кисти, пальцы словно рассказывали зрителям историю, не произнося ни единого слова. Я увидел, как царица примерила ожерелье и отбросила, сочтя его недостаточно красивым, потом подвела глаза, потом улыбнулась своему отражению, потом помрачнела, вспомнив, что сейчас ей предстоит коварный и опасный разговор. Я видел, как её снедал стыд за то, что она решила оговорить безвинного, и как наполнял страх за своё будущее при мысли, что не её сын, а Рам взойдет на трон.

Было странно, что я, совсем не знающий хинди, так пре-

красно понимал девушку, которая не знала русского языка и едва ли могла общаться на английском. Время остановилось, мир вокруг исчез, и я забыл обо всем и обо всех.

В свете факелов царица казалась прекрасной, как богиня. И огонь её таланта зажжёт зрителей. Не в силах усидеть на месте, многие вскакивали и начинали танцевать, захваченные порывом и юной артистки. Когда музыка смолкла, танцовщица убежала за занавес, а потом опять вышла на сцену с традиционными поклонами. Следом появился пожилой индус, пропел благодарственную молитву, совершил ритуальные возлияния и надел на шею танцовщицы венок из цветов. Люди стали расходиться, но мы с Леной медлили уйти – я уговорил её подойти к артистам, чтобы лично поблагодарить за представление.

– Вам понравилась Рекха? – спросил пожилой индус на очень правильном английском, после того как Лена сделала комплимент танцовщице. – Рекха моя дочь, и катхак у неё в крови. Вы англичане?

Лена сказала, что мы русские.

– Русские?! – лицо индуса расплылось в широчайшей улыбке. – Индия, Россия, дружба! Я был в Советском Союзе, давно, в юности. Мы показывали «Рамаяну». Я люблю русских, они так похожи на нас!

Мы познакомились. Джамшид оказался хозяином маленькой семейной труппы. В неё входили его жена, два сына с жёнами и детьми, старшая дочь с мужем, и еще одна дочь –

Рекха. С чисто индийским гостеприимством Джамшид тут же пригласил нас на ужин. Отказаться было невозможно, и вскоре мы с Леной уже стояли во внутреннем дворе, где был разбит сад. Старые сливовые деревья отцветали, и бледно-розовые лепестки падали нам на головы и в пиалы с чаем, которые поднесли перед едой.

Дом был старый, каменный, но хозяева привнесли в него блага цивилизации. Джамшид с гордостью щелкнул включателем, и при электрическом свете Рекха из богини превратилась в обыкновенную девушку. Кроме светлой кожи она отличалась еще и необычным цветом глаз. Глаза её были синими, как утреннее небо Лакхнау. Я так смотрел на нее, что Лена толкнула меня локтем.

Нас пригласили в гостиную, обставленную вполне современно. Здесь было старенькое фортепиано, фотографии членов семьи на каком-то пикнике, диван, кресла – как в обычных домах. Но всюду валялись ножные браслеты, одиночные бубенчики, реквизиты для спектаклей – копья, луки, венки из искусственных цветов. Женщины вмиг убрали их и накрыли стол.

За ужином я убедился, что Лакхнау оказался верен себе. Мы брали невообразимо вкусную еду с фарфоровых тарелок пальцами, сидели вокруг низкого столика поджав ноги и передавали друг другу бутылку с «Кока-колой».

– Что такое катхак? – спросил я.

– Это танец, – пояснила Лена. – Он появился в Лакхнау в

XVII веке, во время правления Великих Моголов.

Лена болтала с Джамшидом, а я очень хотел и не решался обратиться через неё к Рекхе. Она лукаво улыбалась, замечая мое внимание, но потом ускользнула из комнаты – её позвала мать. Скучая без девушки, я стал рассматривать фотографии на стене, и заметил среди них миниатюру. На ней изображалась свадьба на индийский манер, хотя одежды на женихе были мусульманские – галабея и тюрбан. Жених был стар, со спокойным и умным лицом, а невеста, наоборот, очень юная, почти девочка. Она показалась мне похожей на Рекху. Художник не забыл даже синие глаза. Самое интересное, что под миниатюрой в персидском стиле была надпись на санскрите.

– Спроси, кто нарисовал Рекху, и что там написано, – попросил я сестру.

Лену тоже заинтересовала миниатюра, и она указала на нее хозяину дома.

– Это не Рекха, – засмеялся Джамшид. – Это Гури, наша родоначальница. Именно она придумала танец, которым вы любовались сегодня. Художник изобразил ее свадьбу. Это было, примерно, в 1705 году. Надпись внизу гласит «Катха кахе со катхак», то есть: «Тот, кто рассказывает историю».

– А старик, за которого выдают Гури?.. – спросила Лена. – Она так молода, но не выглядит несчастной.

– Это шейх Хафиз[4] Камлалл Джаханабади, – с гордостью объяснил Джамшид. – Он был советником при дворе

Великого Могола Аламгира.[5] Того самого, кто поклялся уничтожить культуру индусов – наши танцы, песни, поэмы, храмы. Хафиз Джаханабади был мусульманином из почтенной семьи, а Гури – незаконнорожденной таваиф...[6]

Лене пришлось переспросить значение непонятных слов, и хозяин, хитро улыбнувшись, шепнул что-то старшему сыну. Тот вышел и вернулся с простой школьной тетрадкой, листы которой были заполнены крохотными, но четкими английскими буквами.

– Это записал еще один мой сын, – сказал Джамшид, – он не хочет быть артистом, и я отправил его в Дели. Он поступил в университет, чтобы стать адвокатом. Может, он и прав. Молодежь сейчас редко идёт по стопам родителей. В прошлом году Раджив нашел записи шейха Джаханабади, и перевел на английский нашу семейную историю. Я научился английскому, чтобы общаться с туристами, но писать и читать не умею. Возьмите, переведете на русский. Мне будет приятно.

Лена попыталась возразить, что перевод семейной истории – это драгоценность, и мы не можем забрать её. Но Джамшид пояснил, что у него сохранился оригинал, а тетрадь, которую он предлагал нам – копия, поэтому мы со спокойным сердцем можем принять подарок.

Когда нас провожали, я снова увидел Рекху. Она танцевала на каменных плитах внутреннего двора под аккомпанемент пения матери. Жёлтые звёзды смотрели на неё и пере-

мигивались, как заговорщики, а слива осыпала лепестками. И девушка вновь показалась мне богиней, небожительницей.

Лена крепко сжала мою ладонь, и потянула за собой.

– Приходите завтра! – приглашал нас Джамшид. – Рекха будет танцевать для вас!

Потом было ещё несколько ярких, удивительных дней в древнем городе. А ночью я неизменно бывал у дома со старыми сливовыми деревьями и смотрел танцы под звон бубенцов. И только вернувшись из путешествия, я раскрыл тетрадь, чтобы узнать удивительную историю шейха Джаханабди и таваиф Гури...

[1]Сари, дхоти – национальная индийская одежда

[2]Хиджаб, галабея – традиционная одежда мусульман

[3]Персонаж «Рамаяны», бог ветра в облике обезьяны, спутник и соратник Рама

[4]Хафиз – почётная должность, чтец Корана

[5]Падишах Аламгир, правил в 1659–1709 гг

[6]Таваиф – индийская куртизанка

Глава 1

Так получилось милостью Аллаха, что я был первым, кто увидел её. Был месяц азар, и была ночь. Я засиделся, просматривая «Книгу исцелений» Абу Синны, и не сразу услышал стук в дверь. Кормилица Хадиджа, которая после смерти моей дражайшей Басиме заменила хозяйку, проснулась и пошла открывать.

Предоставив Хадидже разбираться с неожиданными гостями, я перевернул страницу, пробегая пальцем строчки. Это была моя любимая книга, я часто перечитывал её, хотя и знал едва не наизусть.

Ворчанье Хадиджи становилось громче, и вскоре она уже кричала, призывая на чьи-то головы проклятья всех джиннов.

– Что там, Хадиджа-джан? – спросил я, но кормилица захлопнула двери и задвинула для верности засов.

– Попрошайки с улицы, – возмущено заявила она, застыв на пороге в белой неподпоясанной галабее и со светильником в руке.

– Дай им всё, что найдешь в кухне, и пусть уходят с миром, – сказал я, возвращаясь к мудрости Абу Синны.

– Сама разберусь, кому и что давать из этого дома, – буркнула Хадиджа, глядя на меня с неодобрением. – Почему вы не спите? В вашем возрасте...

– Хафиз Камлалл! – раздался вдруг женский голос с улицы. – Открой!

Моя кормилица оказалась у окна быстрее, чем я успел моргнуть.

– Пошла вон, бесстыдница! – крикнула она и в сердцах плюнула на улицу.

– Кто это? – спросил я.

– Попрошайки, – с мрачным упрямством ответила Хадиджа. – Они не стоят вашего внимания.

– Хафиз! Ради Аллаха! – снова позвали с улицы.

– Кто там? Кому не спится в такой поздний час?

Почему-то в сердце моём этот горький голос поселил тревогу. Я отложил книгу, поднялся с ковра и пошел открывать сам, хотя Хадиджа пыталась помешать.

Передо мной стояла женщина, закутанная в покрывало. Под локоть её поддерживала девочка, яркий наряд которой сразу указал мне, к какому сословию принадлежат мои полные гости.

– Не прогоняйте, хафиз! – торопливо сказала женщина, открывая лицо.

Её я тоже узнал сразу. Не было в Лакшманпуре человека, который не узнал бы ее. Это была Мохана – хозяйка Дома Счастья. Самого богатого и изысканного притона куртизанок, развратных музыкантов и певиц, танцовщиц, и чтецов, осмеливающихся назвать себя поэтами.

– Постыдилась бы появляться у этого порога, – сказал я,

не торопясь, однако, закрыть двери.

Что-то – вероятно, воля Аллаха – удержало меня. А впрочем, я никогда не отличался торопливостью.

– Простите, хафиз! – Мохана низко поклонилась, и это было не похоже на неё. Обычно она вела себя высокомерно, ибо пользовалась покровительством самого наваба.[1] – Моя дочь умирает, прошу вас помочь.

– На все воля небес, – ответил я, – пусть наваб позовёт своих лекарей. Иди, женщина.

– Хафиз! – сводница вдруг упала на колени и схватила меня за край халата. – Моя дочь рождает, но повитуха сказала, что ребенок не выйдет из её тела. Спасите мою дочь и мою внучку! Я слышала, вы спасли невестку наваба, когда случилась та же беда. Заклинаю вас кровью вашей покойной супруги! Помогите!

Она всё-таки не сделала непоправимого – не произнесла своим грязным языком честного имени Басиме. Тем не менее, Мохана[2] полностью оправдала своё имя. Вскоре я шёл по извилистым улицам, чувствуя себя героем сказки Шахерезады, прижимал к груди ящичек с инструментами, и старался не отстать от хозяйки продажных женщин. Вопреки моим опасениям, она повела меня не в Дом Счастья, а в один из домов знатного квартала. Нас встретили слуги и рабы, следом вышел хозяин. И его я узнал. Раджпутский наваб, уважаемый человек. Ему было неловко, и он прятал глаза, но всё же пробормотал приветствие.

– Где роженица? – спросил я, снимая верхний халат и ополаскивая руки в тазу с розовой водой, который мне тут же поднесли.

– Она в комнате, хафиз. Прошу за мной, – Мохана пошла вперед, указывая дорогу.

Женщина была без сознания. Огромный живот, казалось, мог раздавить хрупкое тело. Меня поразила красота её лица – тонкое, необыкновенно белое по сравнению со смуглыми лицами местных женщин. Волосы её разметались по подушке, как отрез чёрного шелка. Я прощупал пульс, потом обнажил её живот, чтобы определить положение плода.

– Мы испробовали всё, – сказала Мохана. – Но ребенок не желает покидать её тела.

– Нужно много горячей воды, – велел я. – Ещё приведите двух женщин покрепче и телом, и духом, чтобы поддерживать роженицу. И принесите глубокую чашку и старого красного вина.

Все мои приказанья исполнялись быстро и бесшумно.

– Ребенок лежит правильно, – успокоил я Мохану. – Но твоя дочь слишком слаба, чтобы вытолкнуть его. Мне придется помочь ей.

Сводница быстро закивала головой. Из глаз, густо подведённых сурьмой, потекли чёрные ручейки слёз.

– Сначала её надо привести в чувство, – сказал я женщинам, которые вызвались помогать.

Они с готовностью принялись растирать ступни и ладони

роженицы, и легко похлопывать по щекам. Наконец, она открыла глаза и зашевелилась. Я просунул ей в рот обезболивающую пилюлю, не обращая внимания на стоны, и дал запить водой.

– Следите, чтобы она не теряла сознание. Если такое случится, дайте понюхать из этого пузырька.

Нельзя было терять ни минуты, потому что и мать и ребёнок совсем ослабли. Я вдруг подумал, а надо ли помогать этому существу? Может, Аллах не хочет его появления на свет? Но тут же напомнил себе, что если я здесь – то это воля Аллаха, а значит, надо сделать всё, чтобы и мать, и ребёнок остались живы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.